

**«Вот называется друг, – мерзавец,
а еще сидел рядом с товарищем Сталиным».
О драматургии политических коммуникаций
послевоенного времени**

А. В. Чашухин

кандидат исторических наук, доцент, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики». Россия, г. Пермь. E-mail: achashuhin@hse.ru

Аннотация. На примере агитационных мероприятий, посвященных фултонской речи У. Черчилля, делается попытка выявить особенности коммуникаций власти и населения. Политические ритуалы позднего сталинизма рассматриваются как особые театральные действия, обладавшие способностью формировать социальную реальность послевоенного времени. Используемая в статье драматургическая оптика позволяет выявить правила использования политического языка, обнаружить разрывы между государственной идеологией и представлениями советских граждан. Анализ отчетов партийных функционеров, ответственных за проведение агитационных мероприятий, обнаруживает представления и практики, выходящие за рамки идеологических кампаний. Лекции о международном положении становились площадкой, на которой рабочие обретали возможность требовательного голоса по отношению к власти.

Ключевые слова: сталинизм, фултонская речь, драматургия, перформативность, пропаганда, идеология, практики, тактики.

Цитату, вынесенную в заголовок этой статьи, посчитал своим долгом представить своему начальству один партийный работник г. Молотова. С его слов, именно так выражал свое искреннее возмущение действиями Уинстона Черчилля рабочий одного из заводов в середине марта 1946 г. Двуличие недавнего союзника объяснялось посредством отсылки к знаменитому снимку «большой тройки»: «...а еще сидел рядом с товарищем Сталиным» (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 191. Л. 17). В исторической научной и популярной литературе фултонская речь обычно рассматривается в контексте международной политики. Не так давно одна из коллег жаловалась на то, что студенты на семинарах, посвященных началу холодной войны, неизменно употребляют местоимение «мы». Наверное, это не случайно. Британский премьер, президент США, генеральный секретарь ВКП(б). Читателю лестно оказаться в кругу лиц, ответственных за принятие судьбоносных решений. В подобной идентификационной рамке легко игнорировать другие лица – миллионы советских людей, к которым была обращена советская агитация и пропаганда. Между тем для рабочего промышленного предприятия, колхозника, школьного учителя, советского служащего политические ритуалы и агитация были частью социальной реальности. Для этих людей события, последовавшие после фултонской речи, были ярким примером работы советской пропагандистской машины. Ведь интервью Сталина корреспонденту «Правды» было адресовано не премьер-министру, а советскому населению.

В этой статье мы попытаемся понять некоторые механизмы работы пропагандистской машины позднего сталинизма. Точнее, способы и приемы коммуникации представителей власти и населения в рамках организованных политических ритуалов. Рассматривая государственную идеологию, мы зачастую оказываемся в плену стереотипов. Природа сталинского режима нередко создает представления о беспроблемной работе пропаганды и агитации. Противоположная точка зрения обращает внимание на несовпадение голоса «простого» человека и транслируемой сверху идеологии, предполагает наличие автономного субъекта, который обладает возможностью если не сопротивления, то перенаправления языка власти [10, с. 68–83; 6, с. 55–89; 5, с. 183–193]. В этой статье мы попытаемся уйти от проблемы интериоризации советским человеком ценностей государственной идеологии. Поставим проблему иначе. Политические ритуалы сталинской эпохи можно представить в форме особой драматургии. В форме спектаклей, которые осуществлялись по определенным сценариям. В этих

массовых действиях участники играли различные роли. Сценарий и расписанные диалоги во все не предполагают тождества различных исполнений. Актер может забыть или перепутать реплику. Из зала неожиданно может раздаться голос резонера. Неверно подобранные декорации могут исказить драматургический эффект [4, с. 54–63]. Политические ритуалы сталинской эпохи обладали перформативностью – свойством создавать реальность, в рамках которой происходили коммуникации между агентами власти и населением. Что дает нам изучение драматургии политических ритуалов? Во-первых, мы можем понять представления о нормах и девиациях в использовании политического языка. Во-вторых, изучение драматургии агитационных мероприятий позволяет реконструировать практики сложных коммуникаций в процессе организации и проведения политического ритуала. В-третьих, эта оптика позволяет обнаружить смысловые разрывы между предписанным сценарием и игрой актеров. Разрывы, которые позволяют говорить о практиках и представлениях обычных граждан, чье мнение могло быть отличным от транслируемой сверху идеологии.

Работа институтов, ответственных за идеологию, не была беспроблемной. Так, Д. Бранденбергер, рассматривая в своих работах изменение советской идеологии в 1930–40-е гг., обращает внимание на проблему низкой квалификации лиц, ответственных за трансляцию идеологии в массы, – агитаторов, лекторов, школьных учителей. Несмотря на это, многие элементы «национал-большевизма» и (или) «руссцентризма» были освоены в массовом сознании советского человека в годы войны [1, с. 126–144; 2, с. 246–274]. С последним можно спорить или соглашаться. Между тем следует признать, источники, которые оказываются в нашем распоряжении, крайне редко дают возможность «замерить» степень распространения государственных идей «в массах». Чрезвычайно сложно говорить и об искренности советского человека, который озвучивал официальные лозунги на организованном митинге. Еще сложнее – о связи индивидуальной рефлексии и публичного поведения советского человека. Мемуары имеют дело с интерпретацией «постфактум». Дневниковые записи, даже если имели антисоветский характер, необязательно вели к практическим действиям [3, с. 4–62].

Пролить свет на политическую драматургию сталинской эпохи способны источники, которые на партийном языке именовались «*о характерных вопросах, задаваемых на собраниях, лекциях, беседах*». Эти документы были призваны фиксировать обратную связь с населением, его реакции на транслируемую сверху информацию [7, с. 45–52]. Составитель отчета ориентировался на вышестоящее руководство, в глазах которого состоявшийся митинг или беседа должны были выглядеть успешно проведенными. Что это означало? Во-первых, необходимо было доложить о проведенной подготовительной работе среди низового звена агитаторов. Во-вторых, описать проведение митинга среди рабочих конкретного предприятия. В-третьих, задокументировать, с указанием конкретных имен и занимаемых должностей, политически правильные (или неправильные) реакции трудящихся в форме реплик и выступлений. В-четвертых, зафиксировать вопросы, которые трудящиеся задавали во время агитационного мероприятия. Смысловое совпадение указанных частей означало успешную коммуникацию, достижение необходимого перформанса. Смысловой разрыв, например неверные с политической точки зрения суждения рабочих, был указанием на наличие проблемы, которая могла интерпретироваться как антисоветская деятельность или как следствие недоработок ответственных лиц.

Итак, 14 марта в газете «Правда» появилось интервью Сталина (Правда. 1946. 14 марта). Этот публичный ответ на речь бывшего премьер-министра был предварен публикациями в советской прессе. Через три дня после фултонской речи внимательный советский читатель мог обнаружить информацию ТАСС о выступлении Черчилля и об откликах на нее за рубежом (Звезда. 1946. 9 марта). 11 марта в «Правде» появляется статья под названием «*Черчилль бряцает оружием*» (Правда. 1946. 11 марта). Наконец, 14 марта был нанесен главный удар – интервью Сталина. Этот ответ уже следовал сложившейся традиции. В своем выступлении генеральный секретарь интерпретировал придуманные или выдернутые из контекста фразы оппонента. Сталин обвинял Черчилля в развязывании войны и уподоблял бывшего премьер-министра Гитлеру, отрицал экспансионистские устремления СССР в Восточной Европе, объясняя исторической закономерностью рост влияния коммунистических партий за пределами Советского Союза. Бывший союзник был удостоен титула «*закоренелый тор*», который отличался «*донкихотскими замашками*». Речевой оборот «*интервью тов. Сталина с корреспондентом "Правды"*» в партийных документах приводился без малейших изменений. Имя журналиста не упоминалось. Стоять в одном ряду с именем вождя оно не могло.

Вряд ли бывший премьер-министр Великобритании догадывался о том, какая работа будет проделана в ближайшие недели тысячами журналистов, агитаторов и лекторов в Советском Союзе. Так, секретари двух райкомов г. Молотов отчитывались перед городским начальством о проделанной работе: «По неполным данным, по району проведено 320 бесед, ими охвачено 19.800 человек ...Всего по интервью тов. Сталина с корреспондентом "Правды" проведено 1244 бесед, 1480 читок, с общим охватом 20380 ч.» (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 191. Л. 16, 44). В отчетах о реакциях трудящихся на интервью Сталина и фултонскую речь Черчилля не было места импровизациям. «14 марта 1946 года в парткоме завода им. Молотова было проведено совещание партторгов цехов завода, на котором даны указания, как правильно развернуть работу партийных организаций по разъяснению интервью тов. Сталина среди рабочих, служащих и инженерно-технических работников завода. 15 марта в Райкоме ВКП(б) проведен семинар для зав. агитационными пунктами, где также даны указания, как нужно разъяснять интервью т. Сталина среди населения района. Кроме этого многих секретарей первичных организаций вызывали в отдел агитации и пропаганды РК ВКП(б), где давали соответствующие указания по поводу ознакомления рабочих и служащих района с интервью т. Сталина» (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 191. Л. 10). Мобилизация агитаторов начиналась в день официального выхода статьи в «Правде». Секретари первичек, агитаторы, партторги выходили «в люди» после полученных инструкций работы с текстом. Проводимые мероприятия фиксировались в отчетах, в которых указывалась и реакция населения. Выступления трудящихся тоже были заранее прописаны в сценарии политического спектакля. «Я презираю Черчилля как поджигателя войны. Но ответ тов. Сталина корреспонденту "Правды" воодушевляет нас на новые трудовые подвиги, на укрепление блока коммунистов и беспартийных, в связи с этим я подаю заявление о приеме меня в ряды коммунистической партии» (ПермГАНИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 191. Л. 10). Как уже говорилось, массовые политические мероприятия обладали перформативностью – свойством конструирования реальности. Так, приведенная выше фраза не описывала, а переопределяла ситуацию¹. Каким образом это осуществлялось? Для ответа на этот вопрос обратим внимание на место глаголов и местоимений (или существительных) в подобных публичных высказываниях. «Мы не можем забыть... Кое-где забывают... Мы усилим... Мы возьмем... Мы заставим замолчать... Мы дадим отпор... Сталин выразил мнение всего народа... Капиталистическая система делает вылазки... Народы мира не допустят... Трудящиеся не должны успокаиваться... Советский Союз найдет силы... Советский Союз завоевал... Мы выражаем любовь и веру... Мы теснее сплотим... Мы берем обязательства... Обязывает нас выполнить... Я презираю Черчилля... Я беру обязательства... Черчилль болтает... Черчилль будет бит... Они будут биты... Угроза войны будет бита... Они стремятся поработить народы... Народ сумеет... Народ будет поддержан» (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 191. Л. 10–20). Перформативные высказывания направляются на определение и публичную презентацию своей политической идентичности посредством одновременного конструирования образа Другого. Эта идентификация строилась на различении своих и чужих, которые наделялись оценочными позитивными и негативными характеристиками, обладали положительной и несокрушимой силой или достойной презрения слабостью. Мы (народ, СССР) все помним и обладаем силой, которая позволит нам взять, заставить замолчать, дать отпор Им (Ему). Они (капиталистическая система, Черчилль) угрожают войной, поработают народы. Но они слабы, только болтают, и поэтому будут биты. Ведь их мощь и поддержка несопоставима с Нашими силами. Мы готовы их продемонстрировать новыми обязательствами по перевыполнению плана, вступлением в партию, готовностью снова вести войну до победного конца.

Публичные высказывания трудящихся, которые озвучивали заготовленные фразы, имели в своей основе текст самого вождя. Подтверждением тому является простое сопостав-

¹ Использование понятия перформативной составляющей при интерпретации советских текстов является одной из главных идей Алексея Юрчак. Между тем Алексей Юрчак применяет его преимущественно по отношению к позднесоветским текстам, отличая их от текстов сталинской эпохи. По его мнению, в процессе десталинизации происходит так называемый перформативный сдвиг, форма или перформативная составляющая идеологических текстов становится определяющей в сравнении с констатирующей функцией, направленной на передачу смысла. См.: Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / Алексей Юрчак ; предисл. А. Беляева ; пер. с англ. М. : Новое литературное обозрение, 2014. С. 62–71. Не отрицая отличий политического языка сталинской эпохи от позднесоветского времени, мы отстаиваем тезис о том, что перформативная составляющая была чрезвычайно важна и для сталинского политического языка.

ление передовицы «Правды» с речью выступавших. Сталин: «...Но если им это удастся, – что маловероятно, ибо миллионы “простых людей” стоят на страже дела мира, – то можно с уверенностью сказать, что они будут биты так же, как они были биты в прошлом, 26 лет тому назад» (Правда. 1946. 14 марта). Рабочий Чарухин с 3-го участка Порта Молотов: «Сталин своими словами выразил мнение всего народа Советского Союза, и мы, говорит Чарухин, постоем за свою Родину, и если Черчиллю и удастся развязать войну, то они будут биты так же, как были биты в прошлом, 26 лет тому назад. Русского народа не победить» (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 191. Л. 16). Сталин: «Возможно, что кое-где склонны предать забвению эти колоссальные жертвы советского народа, обеспечившие освобождение Европы от гитлеровского ига. Но Советский Союз не может забыть о них». Рабочий участка № 4 Порта Молотов т. Кондрашин сказал: «Мы не можем забыть колоссальных жертв Второй мировой войны и будем впредь стоять на страже мира. Советский Союз найдет силы и средства дать ответ поджигателям войны». Сталин: «Следует отметить, что господин Черчилль и его друзья паразитически напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей» (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 191. Л. 16). Рабочий: «Товарищ Сталин ясно ответил, что все миролюбивые народы мира не допустят и не дадут возможности Черчиллю выступить в шкуре Гитлера» (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 191. Л. 19). Сходство речевых оборотов, используемых эпитетов и метафор очевидно. Между тем представленные фразы не являются продуктом простого формального цитирования. Здесь более уместна метафора *гипертекста*, который предполагает использование первоисточника на основе выработанного заранее ассоциативного ряда. Правильное построение подготовленной речи «рядового рабочего» должно было сочетать авторский текст вводя с образами и лексикой «простого советского человека». Под ним понимался, конечно, не реальный труженик, погруженный в лишения военного времени. Речь идет о роли, сообразно которой политический язык должен был по-разному звучать в устах «рабочего», «колхозника» или «инженера». Так, если рабочий после «искренного возмущения» выходками У. Черчилля и горячим одобрением ответа Сталина брал на себя выполнение повышенных плановых показателей, то учительница обещала развивать культуру. Женщина-мать получала больше возможностей для выражения экспрессии. «Столько злобы у меня, – говорит она, – кажется, перегрызла бы его зубами. Мы, матери, не можем забыть того горя и слез, той пролитой крови, что было вызвано войной. Мы выражаем глубокую любовь и веру тов. Сталину, наше счастье, что на страже мира стоит тов. Сталин. Черчилль со своей кликой будет бит так же, как Гитлер, если попытается развязать против нас войну» (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 191. Л. 10, 16.).

На первый взгляд, в этих сюжетах мы видим известные приемы пропаганды. Заготовленные в соответствующих инстанциях тексты вкладываются в уста рабочих, которые правильным образом играют свою роль. Их выступление фиксируется в отчете, что является для вышестоящих инстанций подтверждением успешно проведенного агитационного мероприятия. Перед нами – полное совпадение сценария политического ритуала с его исполнением. Иначе обстоит дело, когда автор отчета переходит к описанию вопросов трудящихся. Рабочие требуют уточнений, выясняют возможные последствия речи Черчилля. «Может ли повлиять выступление Черчилля на наши взаимоотношения с Англией? ...Как относится Трумэн к речи Черчилля и наши взаимоотношения с США? ...Как относится английское правительство на выступление Черчилля» (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 191. Л. 21). Ситуация политического ритуала требовала интерактивности. Подобные вопросы можно сравнить с технологией обучения иностранному языку, когда повествовательные конструкции превращаются в вопросительные предложения. Так, по вопросу «Каковы отзывы иностранной печати на речь Черчилля?» (там же, л. 21) сложно представить себе желание политически грамотного рабочего узнать реальную обстановку на Западе. Отзывы иностранной печати, общественных деятелей на фултонскую речь после необходимой редакции печатались в советской прессе (Звезда. 1946. 16 марта, 23 марта). Лектору или агитатору это было известно. Вопрос о загранице, вычитанный из советских газет, предполагал ответ по газетному материалу. Другое дело, что политический язык мог причудливым образом видоизменяться при переходе в устный регистр. Использование шаблонов советской прессы не гарантировало правильного их применения. Создается впечатление, что рабочие, пытаясь поддержать митинг или беседу о фултонской речи, регулярно спрашивают... о другом. «Что предпринимает итальянское правительство по ликвидации армии Андерсена (так изменилось имя генерала Андерса в тексте отчета. – А. Ч.)? ...Имеются ли в Китае японские войска и в каком количестве? ...Как эвакуируют из Китая американские и английские войска?» (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 191. Л. 22). Каким обра-

зом фултонская речь У. Черчилля соотносится с польскими войсками в Италии или обстановкой в Китае? Каким образом связано «интервью товарища Сталина» с еврейскими волнениями в Палестине и судьбой финского главнокомандующего? «Чем объяснить волнение в Палестине и восстание евреев против англичан? Чем объяснить уход в отставку Маннергейма и почему он не привлечен к судебной ответственности?» (там же, л. 22). Если вопросы о возможном союзе Англии, США и Франции выглядят как имеющие отношения к делу, то реплики, связанные со странами Азии или Латинской Америки, казалось бы, используются не к месту². В одной из предыдущих статей мной высказывалось предположение о том, что подобные вопросы упорядочивали воображаемую политическую карту, многие обозначения которой актуализировались во время войны. Временное исчезновение из сводок или газет того или иного персонажа не оставалось незамеченным (11, с. 180–188). В нашем случае «интервью товарища Сталина корреспонденту газеты “Правда”» относилось к далекому воображаемому миру внешней политики, сконструированной по лекалам советских газет. Если в одной газете можно было обнаружить интервью вождя и сообщения о гражданской войне в Китае, возможно, эти события становились связанными и в жизненных мирах рабочего и агитатора.

Совершенно иначе выглядят иные вопросы, которые фиксировали лекторы. Речь идет о репликах, связанных с локальным миром повседневности. «Почему плохо занимаются благоустройством Молотовского района? Газета “Звезда” писала, что т. Быховский дал согласие асфальтировать улицу 1905 года до сада, а фактически заасфальтировали 1 квартал, и работы прекратили... Когда будет разрешен вопрос о нормальной переправе через реку Каму против Молотовского района за счет строительства хотя бы понтонного моста?» (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 191. Л. 28). Каким образом эти вопросы оказались в одном ряду с публичными гневными выступлениями в адрес У. Черчилля? В позднесоветском фильме «Формула любви» главный герой в одном из эпизодов искренне возмущен поведением за столом своих соседей – провинциальных дворян XVIII в.³ Вместо того, чтобы поддержать разговоры гостя, знаменитого Калиостро, о «высоких сферах», дворяне переводят разговор на тему цен и качества местного сена. Смысловой разрыв между обсуждением интервью товарища Сталина и обсуждением благоустройства района выглядит столь же нелепым. С одной лишь разницей. Вряд ли рабочих или составителя отчета можно заподозрить в иронии. Тем более в том случае, когда трудящиеся задавали вопросы, связанные с тяготами послевоенного времени. «Будет ли отменена карточная система в конце этого года?.. Когда предусматривается дальнейшее снижение цен на пром. и продовольственные товары?» (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 191. Л. 28). Обнаруживаем ли мы в этих суждениях смысловой разрыв, непонимание политической повестки? Или же речь идет о своеобразной уловке, предполагавшей, что обсуждение внешней политики должно завершиться вопросами о материальном положении трудящихся? Заметим, ответственный за проводимое мероприятие не воспринимал эти вопросы как некорректные. В партийных отчетах опасные суждения неизменно фиксировались проверяющим как «нездоровые». В нашем случае этого не происходит. Вероятно, за послевоенное время эти темы стали настолько привычны для агитаторов и партийных инстанций, что делали незаметной профанацию политического ритуала⁴. Между тем в подобной раздвоенности таилось огромное социальное напряжение. Пройдет всего полгода, и «бытовые» вопросы для трудящихся станут основными. Резкое ограничение прав на карточки, вызовет серьезное возмущение [9, с. 64–109]. «Только в первый день выдачи карточек в заводской комитет профсоюза приходило более 70 чел. Рабочих, которые требовали разъяснить – почему лишили хлебных карточек их членов семьи. Еще более напряженное положение создалось 4 октября 1946 г., когда в завком профсоюза пришло сразу 133 человека и заявили: “Что они не уйдут до тех пор, пока не получат хлебных карточек на членов семьи”. Среди них были такие рабочие, как Гилев, имеющий

² Подобные вопросы типичны для военного и послевоенного периода. Рабочие пытаются узнать об обстановке в Аргентине, Турции, Китае, Японии и т. п. Речь, конечно, идет о тех странах, названия которых упоминались в советской прессе.

³ Телефильм «Формула любви», реж. М. Захаров, Творческое объединение телевизионных фильмов, 1984 г.

⁴ Вопросы о бытовом положении, как правило, не вызывали особых реакций со стороны автора отчета. Исключением являются только те жалобы трудящихся, которые сопровождаются критикой государственной политики. Эти высказывания понимались уже как антисоветские. В сравнении с основной массой вопросов, такие суждения в отчетах встречаются относительно редко. При этом неизменно указываются предпринятые в ответ на подобные суждения санкции.

семью 10 чел., из них 8 чел. детей, Касимов, семья которого состоит из 7 чел., из них 5 чел. детей, Костарев – семья 8 чел., Васин – семья 8 чел., Плотников – семья – 9 чел. и др.» (ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 191. Л. 57). Конструируемый в этой ситуации образ виновного не был новым. Им становилось местное начальство, чье лучшее материальное положение вызывало обострение чувства социальной несправедливости. «Рабочие возмущались и обвиняли во всем местное руководство, которое, по их мнению, не заботится о рабочих, сами получили карточки и на этом успокоились, а наши семьи сидят голодом» (там же, л. 57). Подобные суждения обнаруживаются и в источниках иного рода. «На ноябрь месяц всем рабочим ставили хлебную норму на 100 грамм. Даже у детей и иждивенцев вырезали по 100 и по 50 грамм за один день, мотивируя тем, что в прошлый месяц был 31 день, и они забыли вырезать их в том месяце. Это еще раз доказывает, какие мелочные люди сидят в местных государственных аппаратах» (Дневник рабочего. [III.1946 – XII.1955]).

Подведем итоги. Драматургия послевоенных агитационных мероприятий характеризовалась сложной процедурой согласованных практик между различными агентами власти и населением. Между тем отработанный сценарий политического действия допускал некоторый люфт между срежиссированными публичными выступлениями и вопросами, которые задавались трудящимися. Реакции публики не исчерпывались обсуждением международной обстановки. Обличение мирового империализма неизменно заканчивалось вопросами про тяжелый быт послевоенного времени. Можно предположить, что эта условная дифференциация дискурса была связана с различным пониманием высшей и региональной власти. В этой системе могли ужиться поддержка вождя и критика местного начальства. Следуя терминологии М. де Серто, можно сказать, что трудящиеся послевоенного времени в ответ на *стратегии* власти изобретали повседневные *тактики* [8, с. 107–113]. В пространстве института, целиком и полностью принадлежавшем власти, рабочие заводов обращались к темам, не предусмотренным сценарием политического спектакля.

Спустя двадцать лет возникнут социальные позиции, которые позволят отчужденно воспринимать официальные политические ритуалы. Воспроизводство дискурса при столкновении с повседневностью и профессиональными мирами будет способно вызывать чувство иронии, интерпретироваться как абсурдная ситуация. В качестве примера можно вспомнить песню А. Галича «О том, как Клим Петрович выступал на митинге в защиту мира»⁵. Применительно к позднесталинскому периоду такие автономные социальные позиции представить сложно. Это не означало невозможности антисталинских или антисоветских настроений. Речь идет об отсутствии сцены, с которой отличное от официальной идеологии знание могло транслироваться и распространяться относительно безопасным для выступающего образом. В этих условиях лекции о международном положении становились площадкой, на которой рабочий обретал возможность задавать местной власти вопросы. Вопросы, которые при нарушении шаткого равновесия повседневных практик послевоенного выживания легко превращались в требования.

Список источников

- Государственное краевое бюджетное учреждение «Пермский государственный архив социально-политической истории» (ГКБУ ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 45. Д. 191.
Дневник рабочего [III.1946 – XII.1955]. Документальная публикация / под ред. О. Л. Лейбович, А. С. Кимерлинг [Электронное издание]. Пермь : ПермГАНИ, 2014.
Заявление группы американских сенаторов // Звезда. 1946. 23 марта.
Интервью тов. И. В. Сталина с корреспондентом «Правды» относительно речи г. Черчилля // Правда. 1946. 14 марта.
Отклики на речь Черчилля // Звезда. 1946. 9 марта (ТАСС, перепечатка центральной прессы о реакции на речь за рубежом).
Отклики в иностранной печати на интервью товарища И. В. Сталина // Звезда. 1946. 16 марта.
Черчилль бряцает оружием // Правда. 1946. 11 марта.

Список литературы

1. Бранденбергер Д. Кризис сталинского агитпропа: пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941 / Дэвид Бранденбергер ; [авториз. пер. с англ. А. А. Пешкова, Е. С. Володиной]. М. : Полит. энцикл., 2017.

⁵ Александр Галич «О том, как Клим Петрович выступал на митинге в защиту мира». URL: <http://www.bards.ru/archives/part.asp?id=4071> (дата обращения: 12.02.2017)

2. Бранденбергер Д. Л. Сталинский руссоцентризм: советская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956) / Дэвид Бранденбергер ; [авториз. пер. с англ. Н. Г. Алешиной, Л. Н. Высоцкого, Л. Ю. Пантиной]. М. : Полит. энцикл., 2017.
3. Будницкий О. В., Зеленина Г. С. Идеиный коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны / «Свершилось. Пришли немцы!» Идеиный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны / сост. и отв. ред. О. В. Будницкий. 2-е изд. М. : Полит. энцикл., 2014.
4. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. ст. А. Д. Ковалева. М. : «КАНОН-Пресс-Ц», «Кучково поле», 2000.
5. Кабацков А. Н. Жизненный мир советского рабочего в позднюю сталинскую эпоху (по дневнику Дмитриева 1946–1953) // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1945–1953 гг. М. : Полит. энцикл. : Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2015. С. 183–193.
6. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953 гг. М. : РОССПЭН, 1999.
7. Манкевич Д. В. Голоса из прошлого. «Информации райкомов и горкомов ВКП(б) КПСС о «настроениях трудящихся» Калининградской области (вторая половина 1940 – начало 1950-х годов) // Ретроспектива. Всемирная история глазами молодых исследователей : сб. науч. ст. Вып. 4. Калининград : Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. С. 45–52.
8. Серто Мишель де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / Мишель де Серто ; пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013.
9. Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны / Д. Фильцер ; [пер. с англ. А. Л. Раскина]. М. : Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН) : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011.
10. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик ; [пер. с англ. Л. Ю. Пантина]. 2-е изд. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН) : Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2008.
11. Чащухин А. В. Перформативные речевые практики в политических коммуникациях власти и населения 1940-х годов // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2018. № 1(40). С. 180–188.
12. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / Алексей Юрчак; предисл. А. Беляева ; пер. с англ. М. : Новое литературное обозрение, 2014.

«That's called friend, the bastard, and sat next to comrade Stalin.» On the dramaturgy of post-war political communications

A. V. Chashchuhin

PhD of historical sciences, associate professor, National Research University Higher school of Economics.
Russia, Perm. E-mail: achashuhin@hse.ru

Abstract. The article is devoted to the campaign in the USSR, dedicated to the Fulton speech of Winston Churchill. An attempt is made to identify the features of communication between the state and the population in the period of late Stalinism. Political rituals of late Stalinism are considered as special theatrical actions that had the ability to shape the social reality of the postwar period. The article uses dramatic optics. This makes it possible to identify the rules of using the political language. This makes it possible to detect gaps between the state ideology and the ideas of Soviet citizens. Sources of research are reports of party functionaries who were responsible for political events. Analysis of these sources reveals perceptions and practices that go beyond ideological campaigns. Lectures on the international situation became a platform where workers gained the opportunity to have a demanding voice in relation to the government.

Keywords: stalinism, Fulton speech, dramaturgy, performativity, propaganda, ideology, practices, tactics.

List of sources

- State regional budgetary institution «Perm State Archives of Socio-Political History» (SRBI PermSASPH F. 1. Inv. 45. File 191.
Dnevnik rabochego – Diary of a worker [III.1946–XII.1955]. Documentary publication / edited by O. L. Leibovich, A. S. Kimerling [Electronic edition]. Perm. Perm State Archive of Newest History. 2014.
Zayavlenie gruppy amerikanskih senatorov – Statement by a group of American senators // Zvezda – Star. 1946, March 23.
Interv'yu tov. I. V. Stalina s korrespondentom «Pravdy» otnositel'no rechi g. Cherrchillya – Interview with comrade I. V. Stalin with the correspondent of «Pravda» concerning G. Churchill's speech // Pravda – Pravda. 1946, March 14.

Otkliki na rech' Cherkillya – Responses to Churchill's speech // Zvezda – Star. 1946, March 9 (TASS, reprint of the central press on the reaction to the speech abroad).

Otkliki v inostrannoj pechati na interv'yu tovarishcha I. V. Stalina – Responses in the foreign press to an interview with comrade Stalin // Zvezda – Star. 1946, March 16.

CHerchill' bryacaet oruzhiem - Churchill rattles the saber // Truth. 1946, March 11.

References

1. Brandenberger D. *Krizis stalinskogo agitpropa: propaganda, politprosveshchenie i terror v SSSR, 1927–1941* [Crisis of the Stalinist agitprop: propaganda, political education and terror in the Soviet Union, 1927–1941] / David Brandenberger; [authorized transl. from English by A. A. Peshkov, E. S. Volodina]. M. Polit. encycl. 2017.

2. Brandenberger D. L. *Stalinskij russocentrizm: sovetskaya massovaya kul'tura i formirovanie russkogo nacional'nogo samosoznaniya (1931–1956)* [Stalin's russocentrism: Soviet mass culture and formation of Russian national consciousness (1931–1956)] / David Brandenberger; [authorized transl. from English by N. G. Aleshina, L. N. Vysotsky, L. Yu. Pantina]. M. Polit. encycl. 2017.

3. Budnickij O. V., Zelenina G. S. *Idejnyj kollaboracionizm v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Ideological collaboration during the Great Patriotic War / «Svershilos'. Prishli nemcy!» Idejnyj kollaboracionizm v SSSR v period Velikoj Otechestvennoj vojny – «It happened. The Germans came!» Ideological collaboration in the USSR during the Great Patriotic War] / comp. and resp. ed. O. V. Budnitskiy. 2nd publ. M. Polit. encycl. 2014.

4. Hoffman I. *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoj zhizni* [Introduction to others in everyday life] / transl. from English and introd. art. by V. D. Kovalev. M. «KANON-Press-C», «Kuchkovo pole». 2000.

5. Kabackov A. N. *ZHiznennyj mir sovetskogo rabochego v pozdnyuyu stalinskuyu ehphu (po dnevniku Dmitrieva 1946–1953)* [The life world of the Soviet worker in the late Stalin era (according to Dmitriev's diary 1946–1953)] // *Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1945–1953 gg.* – The Soviet state and society in the period of late Stalinism. 1945–1953. M. Polit. encycl.: The presidential center of B. N. Yeltsin. 2015. Pp. 183–193.

6. Zubkova E. YU. *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953 gg.* [Post-war Soviet society: politics and everyday life. 1945–1953] M. ROSSPEN. 1999.

7. Mankevich D. V. *Golosa iz proshlogo. «Informacii rajkomov i gorkomov VKP(b) KPSS o «nastroeniyah trudyashchih» Kalinigradskoj oblasti (vtoraya polovina 1940 – nachalo 1950-h godov)* [Voices from the past. «Information of district committees and city committees of the CPSU (b) on the «mood of workers» of the Kaliningrad region (the second half of 1940 – early 1950-ies)] // *Retrospektiva. Vsemirnaya istoriya glazami molodyh issledovatelej: sb. nauch. st. Vyp. 4.* – Retrospective. World history through the eyes of young researchers: coll. of scient. art. Issue 4. Kaliningrad. Publishing house of RSU n.a I. Kant. 2009. Pp. 45–52.

8. Certeau Michel de. *Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat'* [The invention of everyday life. 1. The art of making] / Michel de Certeau; translated from French by D. Kalugin, N. Movnina. SPb. Publishing house of Europe Un-ty in St. Petersburg. 2013.

9. Filtzer D. *Sovetskie rabochie i pozdnyj stalinizm. Rabochij klass i vosstanovlenie stalinskoj sistemy posle okonchaniya Vtoroj mirovoj vojny* [Soviet workers and late Stalinism. Working class and the restoration of the Stalinist system after the end of World War II] / D. Filtzer; [transl. from English by A. L. Raskin]. M. Rus. polit. encycl. (ROSSPEN); Foundation «Presidential center of B. N. Yeltsin». 2011.

10. Fitzpatrick S. *Povsednevnyj stalinizm. Social'naya istoriya sovetskoj Rossii v 30-e gody: gorod* [Everyday Stalinism. A social history of Soviet Russia in 30-e years: city] / S. Fitzpatrick; [transl. from Eng. by L. Y. Pantin]. 2nd publ. M. Rus. polit. encycl. (ROSSPEN); Foundation «Presidential center of B. N. Yeltsin». 2008.

11. CHashchuhin A. V. *Performativnye rechevye praktiki v politicheskikh kommunikacijah vlasti i naseleniya 1940-h godov* [Performative speech practices in political communications of the authorities and the population of the 1940s] // *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Istoriya* – Herald of the Perm University. Ser. History. 2018, № 1 (40), pp. 180–188.

12. YUrchak A. *Ehto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever until it was over. The last Soviet generation] / Alexei Yurchak; foreword by A. Belyayev; translated from English. M. New literary review. 2014.